

В.Л. Щербаков

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА
ТЕТЕРИНСКОЕ XIII–XIX вв. В НЕРЕХТСКОМ
РАЙОНЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2012–2014 гг.
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)**

В 2012 г. Костромским музеем-заповедником начаты археологические исследования исторических поселений Костромского края. Первым пунктом для изучения было выбрано село Тетеринское вблизи летописной Нерехты. Ранее археологические раскопки сельских поселений на данной территории не проводились. На данный момент Тетеринское является единственным известным населенным пунктом в северной части Нерехтской округи, функционировавшим в XIII–XIV вв. (рис.1). Археологическое обследование северо-восточных окрестностей села в 2013 г. выявило отсутствие здесь синхронных селищ, найденные в ходе разведки сельские поселения относятся к периоду конца XV – XVIII и XVI–XVIII вв. (Щербаков, 2013б). Не исключено, что при проведении дальнейших разведочных работ возможно выявление селищ XII–XIV вв.

Селище Тетеринское выявлено и обследовано в 1975 г. Костромским отрядом ИА АН СССР под руководством Н.В. Малиновской. Тогда же снят инструментальный план памятника и определены его размеры и мощность культурного слоя. По результатам работ 1975 г. составлен паспорт объекта культурного наследия, согласно которому размеры селища около 260×100 м, высота над уровнем воды в ручье Бобровец до 15 м (Паспорт памятника, 1975; АКР, 1999. С. 249). На момент обследования 1975 г. территория памятника была частично занята строениями и распахивалась под огороды (Паспорт памятника, 1975). Мощность культурного слоя определена Н.В. Малиновской в пределах 0,5–0,9 м, отмечено, что в верхней части слой нарушен распашкой (Паспорт памятника, 1975). Общее состояние памятника, согласно паспорту, плохое. На основании анализа находок (фрагменты гончарной древнерусской и позднесредневековой посуды) Н.В. Малиновская определила время функционирования селища XII–XIII и XV–XVII вв. (Паспорт памятника, 1975).

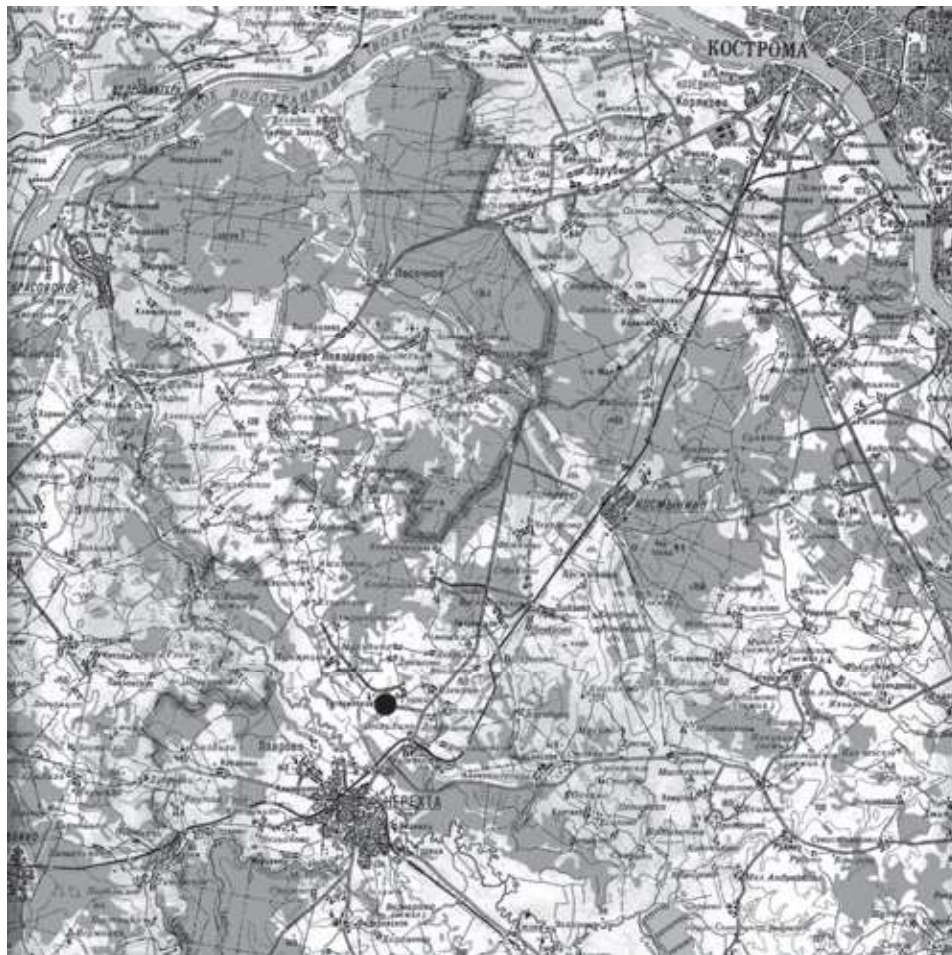

Рис. 1. Селище Тетеринское на карте Костромской области.

В 1995 г. селище осмотрено археологом костромского ГНПЦ по охране памятников истории и культуры П.Г. Инягиным. Каких-либо уточнений в отношении границ памятника или его датировки сделано не было (Инягин, 1996. С. 43–44). Визуальный осмотр селища Тетеринское и сбор подъемного материала в 2008 г. не дали дополнительной информации о памятнике археологии (Краткий научный отчет, 2008).

В полевом сезоне 2012 г. на территории с. Тетеринское под руководством автора статьи проведена археологическая разведка, позволившая определить места будущих археологических раскопов, уточнить границы памятника (Щербаков, 2013а). Обследованное селище расположено на мысу при вхождении ручья Бобровец в пойму р. Солоницы, правого притока р. Волги (рис. 2). Помимо описанного мыса на правом берегу р. Бобровец культурный слой Нового времени

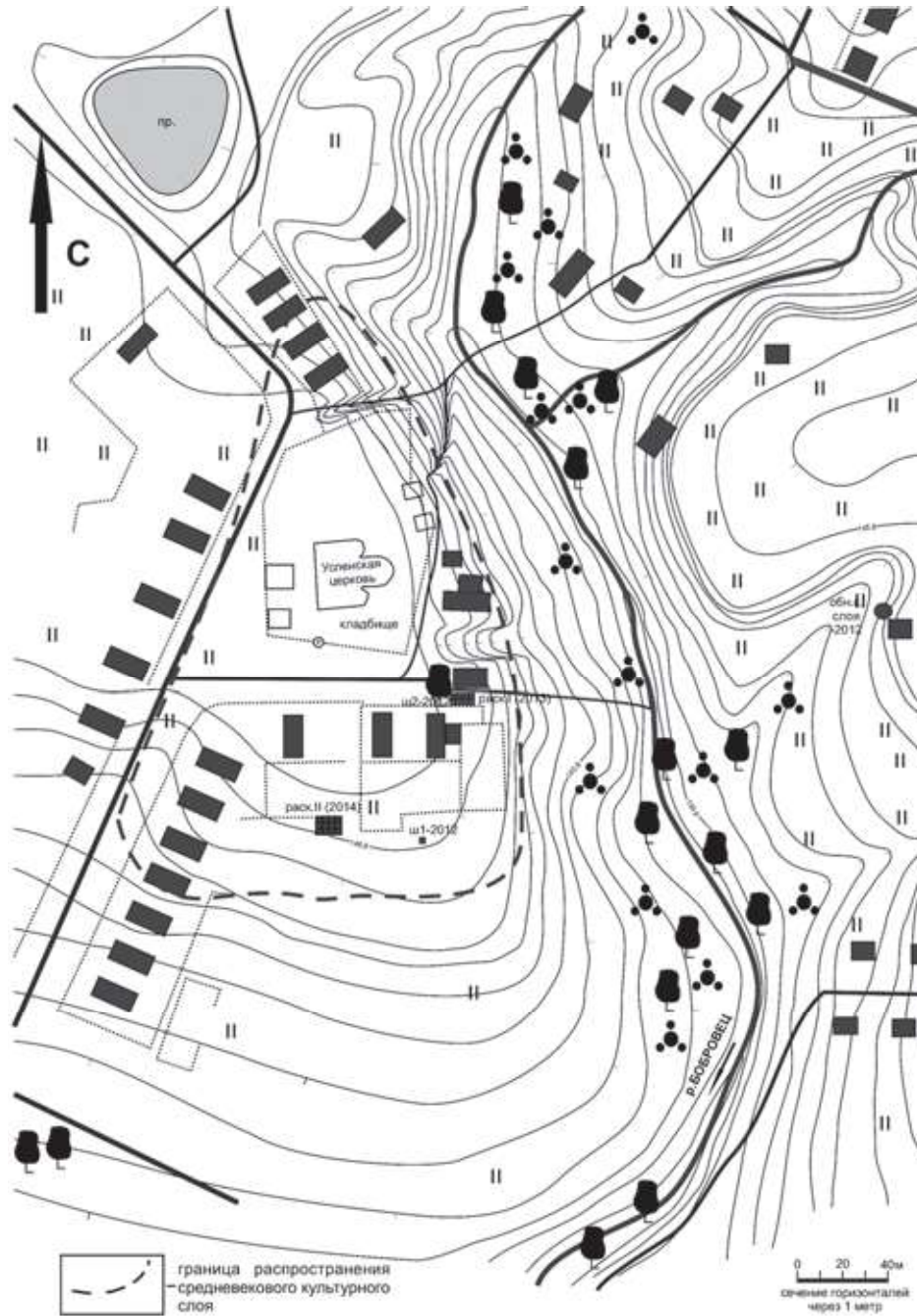

Рис. 2. План селища Тетеринское с указанием мест проведения археологических работ и границ распространения средневекового культурного слоя.

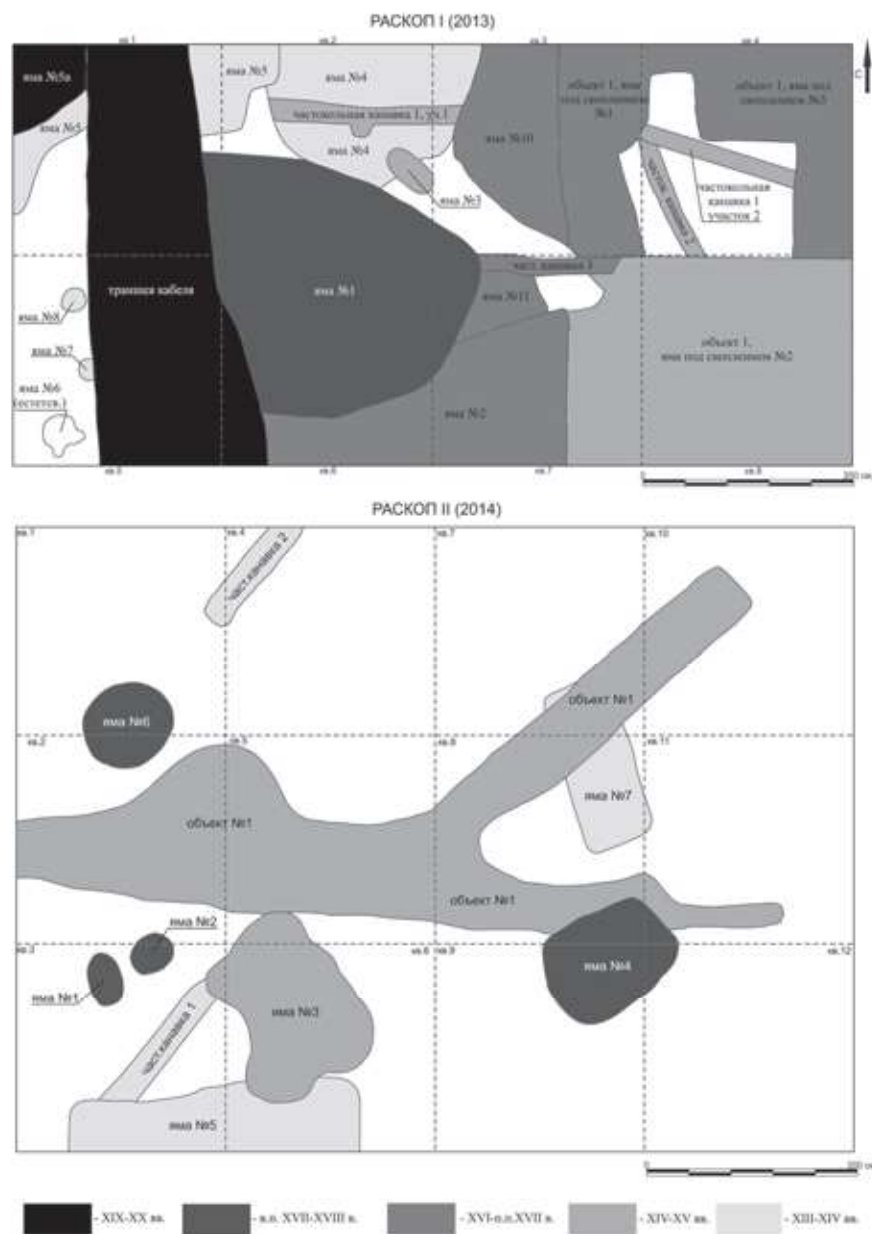

Рис. 3. Раскопы I (2013) и II (2014) на уровне материка.

(XVIII–XIX вв.) выявлен на левом берегу ручья в результате зачистки обнажения (борта оврага). Площадь шурфов 2012 г. составила 8 кв. м.

Археологическим раскопом 2013 года (Щербаков, 2014а) был изучен небольшой участок к юго-востоку от Успенской церкви (1724 г.) села Тетеринское (рис. 2). Площадь раскопа I составила 32 кв. м. Верхний горизонт культурного слоя на участке исследований нарушен многолетней огородной распашкой. Слои XIII–XV вв. на месте раскопок полностью переработаны в процессе образования напластований XVI–XVII вв., отложения XIII–XV вв. сохранились только в материковых ямах. На материке в раскопе прослежены остатки построек второй половины XIII – первой половины XVIII в. хозяйственного и, возможно, жилого назначения (рис. 3). Характер вещевого комплекса и прослеженные в раскопе остатки частокола в виде канавок позволяют предполагать, что работами 2013 г. затронут южный край усадебного комплекса, предварительно датированного в пределах XIV–XVI вв., в том числе остатки постройки конца XIV – первой половины XV в., перекрытой мощным слоем, состоящим из кусков обожженной глины и глиняных плиток, по своим метрическим параметрам близких средневековой плинфе.

В 2014 г. исследования памятника были продолжены (Щербаков, 2014б). К югу от Успенской церкви заложен раскоп II площадью 48 кв. м (рис. 2). Раскопом II исследованы отложения культурного слоя и объекты второй половины XIII – XIX в. Культурный слой XIII–XV вв. на месте раскопок, как и в случае с раскопом I, полностью переработан в процессе образования напластований XVI–XVII вв., отложения XIII–XV вв. сохранились только в материковых ямах (рис. 3). Наиболее интенсивной жизнь на изученном в 2014 г. участке поселения была во второй половине XIII – XV в. и во второй половине XVII – XX в. В первый из указанных периодов данная территория, предположительно, входила в зону хозяйственной застройки, во второй половине XVII – XIX в. также была в зоне хозяйственного освоения, в XX в. здесь располагались приусадебные участки селян. В период наименее интенсивного использования участка, в конце XV – первой половине XVII в., здесь, вероятнее всего, располагались пашни, покосы, выгоны.

Стратиграфические наблюдения 2013–2014 гг. выявили отсутствие стратифицированных отложений XIII–XV вв. вне ям, наличие слоя XVI–XVII вв. удовлетворительной сохранности, а также перемешанность отложений XVIII–XX вв.

Характеристику находок и объектов целесообразно будет произвести по хронологическому принципу, акцентируя внимание на достаточно надежно датированных комплексах, хронологическая позиция которых определена на основе данных стратиграфии, планиграфии, анализа заполнения, массовых и индивидуальных находок. Описание керамики в предлагаемой статье дается обобщенно, только из комплексов, поскольку данной группе находок будет посвящена отдельная работа.

Вторая половина XIII – первая половина XIV в. К данному периоду относятся яма 4 в раскопе I (2013 г.) и яма 5 в раскопе II (2014 г.). Первая из ям представляет собой слабо углубленную часть наземной постройки с отопительным устройством, определенным по многочисленным камням со следами гари и

кускам обожженной глины в заполнении. Индивидуальные находки из ямы 4 немногочисленны: железный нож и заклепка из медного сплава (рис. 4).

Яма 5 в раскопе II представляет собой подпол хозяйственной (возможно, производственной) постройки. Однозначно судить о наличии или отсутствии отопительного устройства не представляется возможным: в заполнении ямы присутствует некоторое количество слабообожженной глины. Индивидуальные находки представлены опиленным куском кости, небольшой стамеской, согнутым в кольцо лезвием ножа, железным изделием в виде щитка со штифтами и петлей (накладка?), пробоем, фрагментом шила, железной накладкой на конскую упряжь в виде восьмилепестковой розетки, неполные аналогии накладке датируются XIV – первой половиной XV в. (Блохина, 2010. С. 186. Рис. 7), либо второй половиной XIV – началом XV в. (Латшин, 2009. С. 92, 327. Рис. 77) (рис. 5).

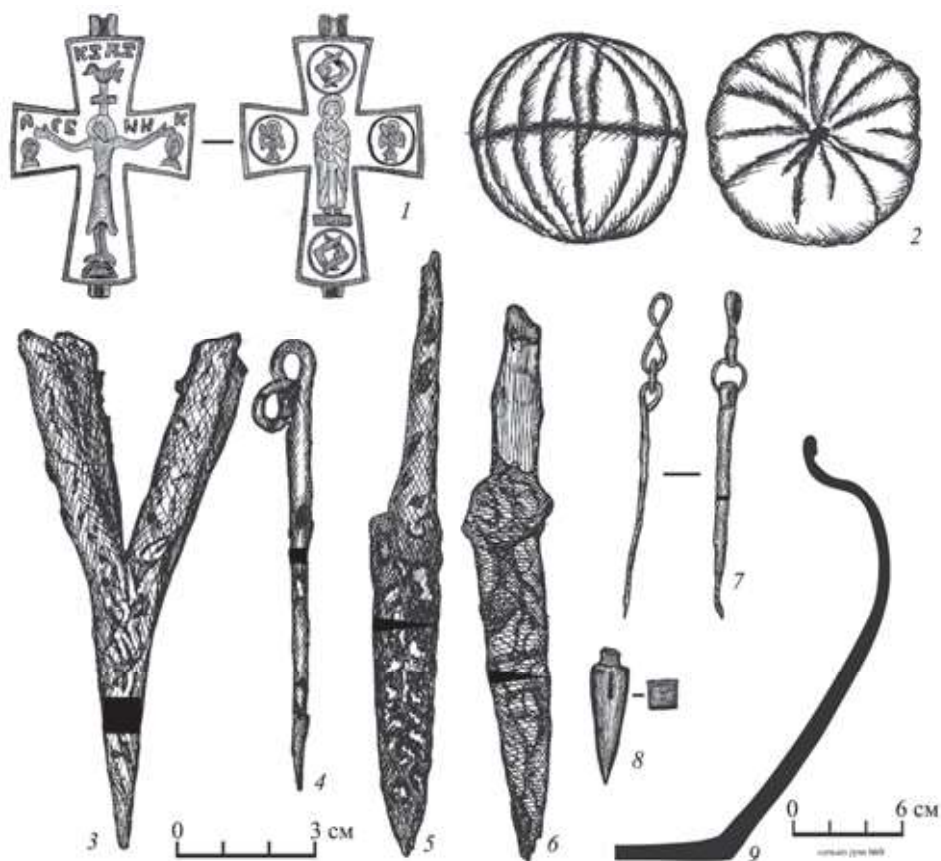

Рис. 4. Наиболее выразительные индивидуальные находки из материковых ям раскопа I. 1 – крест-энколпион; 2 – погремушка; 3 – светец; 4 – кудельная булавка; 5, 6 – ножи; 7 – булавка; 8 – наконечник стрелы; 9 – профиль сосуда (1, 4, 5, 7, 8 – яма под скоплением обожженной глины 2; 2, 3 – яма 2; 6 – яма 4; 9 – яма 1).

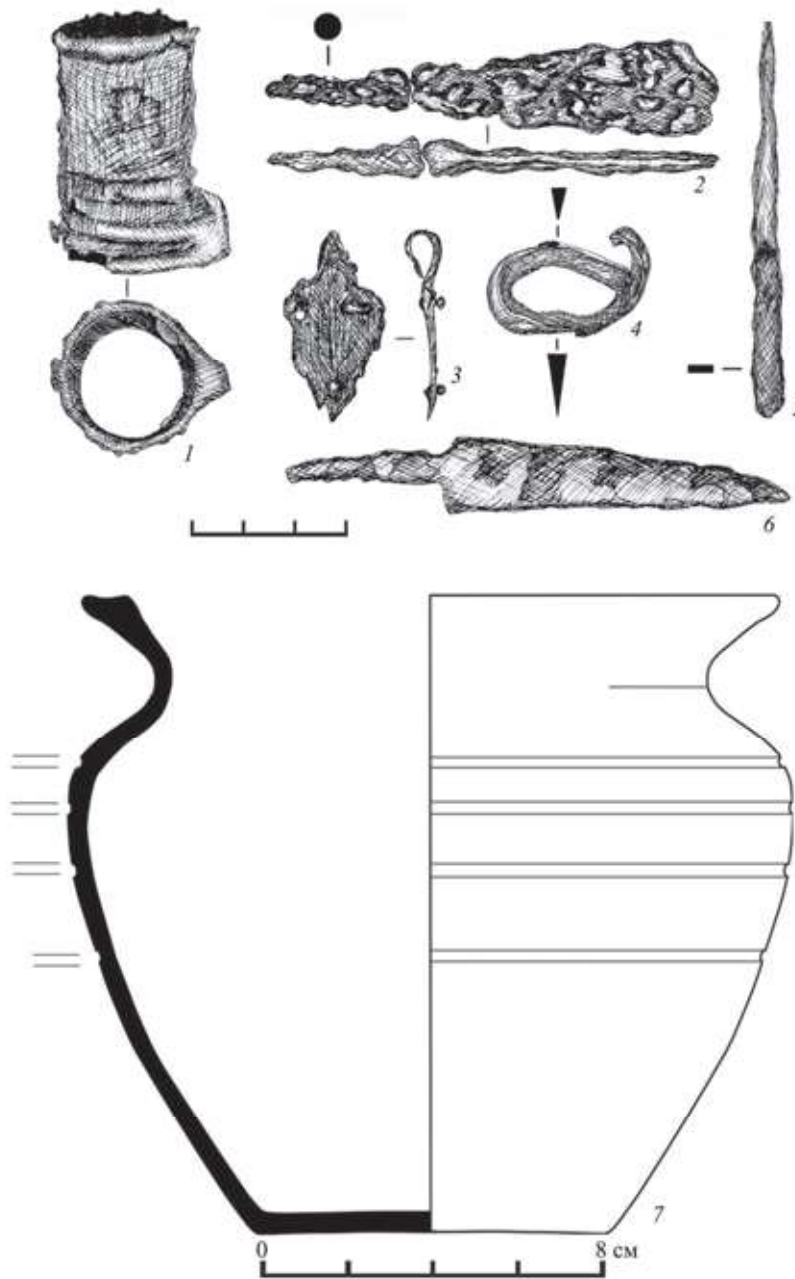

Рис. 5. Наиболее выразительные индивидуальные находки из материковых ям раскопа II. 1 – корпус замка; 2 – наконечник стрелы (срезень); 3 – накладка (?); 4, 6 – ножи; 5 – стамеска; 7 – сосуд (1, 2, 7 – яма 3; 3, 4, 5 – яма 5; 6 – объект 1).

Керамика из заполнения ямы 4 (р. I) представлена 94 фрагментами с грубой поверхностью. У 59 фрагментов (63%) в тесте прослежена примесь дресвы, у 35 (37%) – песка и дресвы. Орнаментировано 35 фрагментов керамики (37%), в том числе линейный орнамент прослежен на 20 фрагментов (21%), волнистый – на 13 (14%), сочетание линий и волн – на 2 (2%). В заполнении ямы 5 (р. II) найдено 73 фрагмента посуды с грубой поверхностью и примесью дресвы (45 ед., 62%), дресвы и песка (26 ед., 35%), дресвы и шамота (2 ед., 3%). Орнаментированных фрагментов всего 10, то есть около 14% (9 экз. с линейным орнаментом, 1 – с волнистым).

Найденные в заполнении ям 4 (р. I) и 5 (р. II) венчики сосудов по форме находят наибольшее число аналогий в керамике Владимира, Новгорода, Твери, Москвы, Ростова XIII–XIV вв., однако среди венчиков из ямы 5 (р. II) встречается достаточно много экземпляров, соотносимых с сосудами, бытовавшими в XIV–XV вв. (рис. 6, 7).

XIV в. В этот период происходит формирование заполнения объекта 1 в раскопе II (2014 г.). Объект, возможно, является углубленной частью наземной постройки сложной конфигурации. В заполнении выявлено четыре индивидуальных находки: железный нож (рис. 5) и фрагмент лезвия ножа, фрагмент инструмента (стамески?), каменная пластина с желобками на плоскостях.

Всего при разборке заполнения объекта 1 (р. II) собрано 96 фрагментов глиняной посуды. Сосуды второй половины XVII – XIX в. с гладкой поверхностью представлены 9 ед. (9%), в том числе с примесью песка в тесте 7 ед. (7%), с примесью дресвы 1 ед. (1%), дресвы и песка 1 ед. (1%). Сосуды конца XV – первой половины XVII в. с грубой поверхностью и примесью песка в тесте представлены 6 фрагментами (6%). Двумя фрагментами (2%) представлена ангобированная посуда XV–XVI вв. (*Розенфельдт*, 1968. С. 20). Наибольшим числом обломков представлены сосуды XII–XV вв. с грубой поверхностью (79 ед.), в том числе с примесью дресвы 50 ед. (52%), дресвы и песка 29 ед. (30%). Орнаментированная посуда представлена 17 фрагментами (18%), в том числе 1 фрагментом с волнистым орнаментом (1%) и 1 с линейно-волнистым (1%), 12 фрагментами с линейным орнаментом (13%) и 3 фрагментами с ногтевыми вдавлениями (3%).

Найденные в заполнении объекта 1 венчики сосудов встречают аналогии в посуде Твери и Владимира конца XIII – XV в. (*Латшин*, 2009; *Майорова*, 2011) (Рис. 7).

Вторая половина XIV в. К этому периоду относятся частокольные канавки 1, 2 в раскопах I, II. В раскопе II канавки фрагментарны и не связаны с остатками каких-либо объектов, сооружений, не содержат находок. В раскопе I ситуация иная – канавки маркируют границу усадьбы, существовавшей, по крайней мере, со второй половины XIV в. В заполнении канавок собраны немногочисленные фрагменты керамики и необработанные кости.

Найденные в частокольных канавках 1, 2 (р. I) фрагменты глиняных сосудов (8 экз.) имеют грубую поверхность и примесь дресвы и песка с дресвой в тесте. Единственный венчик сосуда из заполнения первой канавки по форме обнаруживает сходство с посудой типа 8 г. Владимира (по Е.В. Майоровой), где такая посуда распространена в XIII–XIV вв., хотя бытовала и в домонгольский

период (*Майорова*, 2011. С. 145, 146. Рис. 1). В качестве еще одной аналогии указанному фрагменту следует отметить рассматриваемые в работе И.А. Бойцова сосуды, бытующие с XIII–XIV вв. в Москве (*Бойцов*, 1991. С. 37. Рис. 1: А), несколько отличающиеся от найденного нами венчика способом профилировки закраины (рис. 6).

Вторая половина XIV – первая половина XV в. К этому периоду относится заполнение ямы под скоплением кусков обожженной глины и глиняных плиток № 2 раскопа I и яма 3 в раскопе II. Яма в раскопе I представляет собой подпол жилой (?) наземной постройки, попавшей в раскоп не полностью. Заполнение ямы характеризуется разнообразием вещевых находок: были найдены бронебойный наконечник стрелы (тип 1Б по О.В. Двуреченскому: см. *Двуреченский*, 2007. С. 282. Рис. 5) XV – середины XVII(?) в., крест-энколпион XIV–XV вв. или XV–XVII(?) вв.,¹ кудельная булава, одежная булава с обрывком цепочки, железный нож (рис. 4), фрагмент дна сосуда с клеймом (сохранились только концы солярного знака), фрагмент привозной красноглиняной керамики, предположительно произведенной в XIV в. в Маджаре².

Яма 3 в раскопе II определена как мусорная. В заполнении собраны многочисленные индивидуальные находки: две железные заклепки, опиленная с двух сторон кость, три фрагмента дна керамических сосудов с клеймами (в одном случае – окружность, в другом – свастика, в третьем – пересекающиеся линии), железный наконечник стрелы-срезня XIII – первой половины XV в. (тип 17 по О.В. Двуреченскому: см. *Двуреченский*, 2007. С. 288. Рис. 16; *Медведев*, 1959. С. 167), черенок железного ножа, железный нож, корпус цилиндрического замка (ввиду фрагментарности может быть отнесен к замкам типов, бытовавших в широких рамках XII–XV вв. (*Колчин*, 1959. С. 82–84. Рис. 70)), железный костыль, глиняный горшок (собиран в процессе камеральной обработки массового материала) с линейным орнаментом, сильно профилированный, с наклоненной наружу шейкой, завернутым внутрь и уплощенным черновым краем, следами зольной (?) подсыпки на дне, по форме обнаруживающий сходство с тверской посудой типа VII (по В.А. Лапшину), бытовавшей до 60-х годов XIV в. (*Лапшин*, 2009), с посудой типа 5 города Владимира (по Е.В. Майоровой), датирующейся концом XIV – XV в. (*Майорова*, 2011. С. 145, 146. Рис. 1) (рис. 5).

В заполнении ямы под скоплением обожженной глины и глиняных плиток № 2 (р. I) найдено 39 фрагментов керамики. Представлена грубая посуда с примесью песка в тесте (3 экз.) и посуда с примесью дресвы, песка и дресвы в тесте (36 ед.) Орнаментировано 15 фрагментов (около 2/5), представлены следующие виды орнамента: линейный – 6 экз., волнистый – 7 экз., линейно-волнистый – 1 экз., пояс круглых вдавлений – 11 экз. В заполнении ямы 3 (р.

¹ Аналогии данному кресту неполные: сходные экземпляры опубликованы в Каталоге собрания графа А.С. Уварова (Каталог, 1908. С. 182. Рис. 158), в каталоге собрания Б.И. и В.Н. Ханенко (*Древности Русские, кресты и образки*. – Киев, 1899. Табл. XI. С. 25–26), в каталоге энколпионов из собрания ГИМ (*Асташова, Петрова, Сарачева*, 2013. С. 296–298). В каталоге А.С. Уварова кресты не датированы, Б.И. и В.Н. Ханенко датируют такой энколпион XIV–XV вв., кресты из собрания ГИМ отнесены авторами каталога к XV–XVII (?) вв.

² Атрибуция произведена к.и.н. И.В. Волковым, с высокой долей вероятности определившим происхождение и дату найденного фрагмента.

II) найдено 354 фрагмента керамики. Все они происходят от сосудов с грубой поверхностью. Посуда с примесью дресвы в тесте представлена 235 обломками (66,4%), с примесью песка и дресвы 107 единицами (30,2%), с примесью дресвы и шамота 12 фрагментами (3,4%). Все орнаментированные линиями фрагменты происходят от трех (либо четырех) сосудов, профили которых собрать полностью не представляется возможным. Единичным фрагментом представлена посуда с волнистым орнаментом и примесью дресвы и песка в тесте.

Встреченные в заполнении указанных ям венчики сосудов обнаруживают аналогии в материалах Владимира, Твери, Новгорода XIV–XV вв., однако в яме 3 (р. II) выявлена также представительная серия профилированных частей сосудов, период бытования которых на основании аналогий в посуде Твери и Владимира может быть не позднее XIV в. (*Лапшин*, 2009. С. 128, 443, рис. 193; *Майорова*, 2011. С. 145, 146. Рис. 1) (рис. 6, 7).

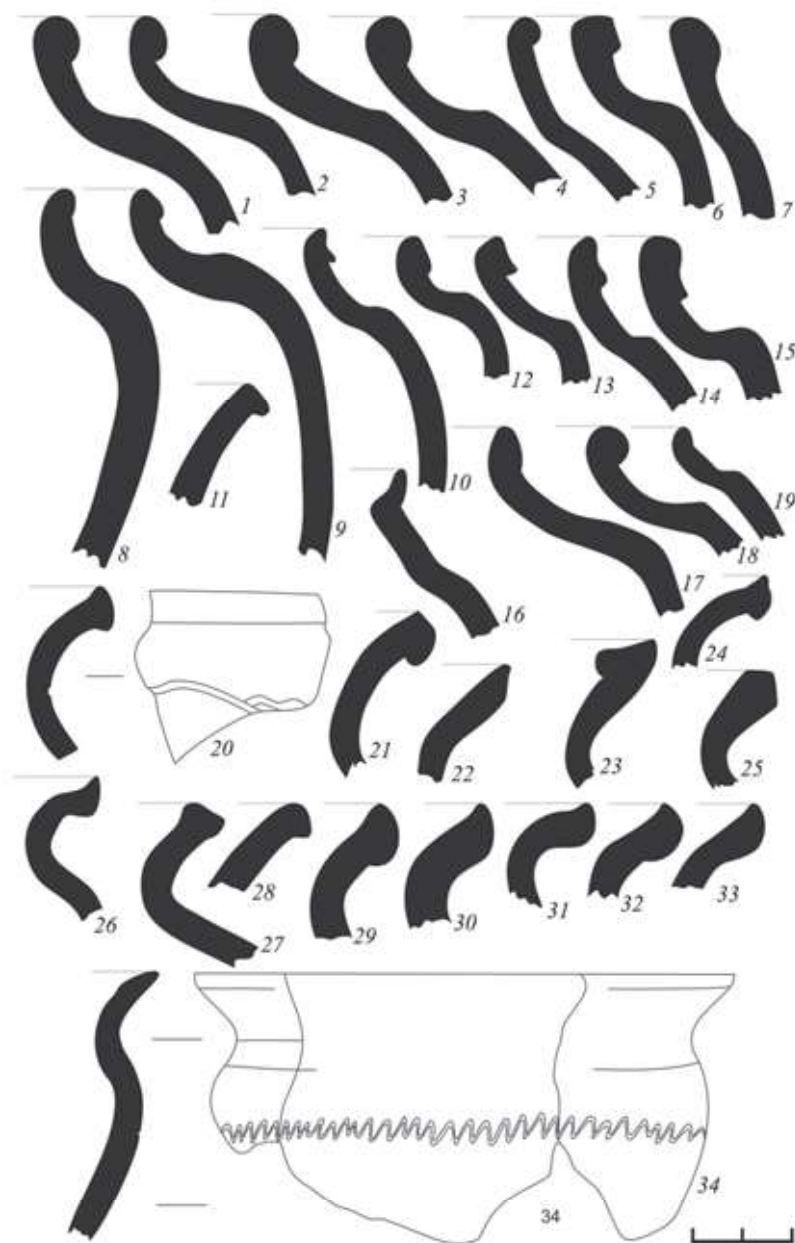
Облик массового материала ямы 3 (р. II) – отсутствие фрагментов только с примесью песка в тесте, форма некоторых венчиков сосудов – дает основания для несколько более ранней ее датировки по сравнению с ямой под скоплением кусков обожженной глины и плиток № 2 в раскопе I. В качестве такой даты мы рассматриваем вторую половину XIV – начало XV в., менее вероятная дата – только вторая половина XIV в.

XVI – первая половина XVII в. В этот период формируется заполнение ямы 2 в раскопе I (2013 г.), являвшейся углубленной частью жилой постройки с печью. Вероятно, к этой постройке тяготеет частокольная канавка 3, параллельная длинной стороне ямы 2 (в канавке находки не выявлены). В яме были найдены следующие вещи: четырехзубый светец и глиняная погребушка восстановительного обжига, шарообразной формы, с двумя отверстиями на «полюсах» и прочерченными меридиональными линиями, предварительно датированная XVII в. на основании неполных аналогий (*Спиридонова*, 2007. С. 199; *Глиняные игрушки...*, 2002. С. 21, 22. № 31–33, 35) (рис. 4).

Всего при разборке ямы 2 (р. I) найдено 70 фрагментов глиняной посуды. Наиболее многочисленны фрагменты посуды с грубой поверхностью и примесью песка в тесте (25 ед., 35,7%). Вторая по численности группа – фрагменты от сосудов с гладкой поверхностью и без визуально заметных искусственных примесей (18 ед., 25,7%). Достаточно многочисленны среди находок из ямы фрагменты с грубой поверхностью и примесью дресвы в тесте (15 фр., 21,4%). Остальные группы статистически невыразительны, представлены единичными экземплярами (как, например, чернолощенная посуда XVI–XVIII вв.).

Венчики керамических сосудов из ямы 2 (р. I) находят аналогии в посуде Владимира и Твери XVI–XVIII вв. (*Лапшин*, 2009. С. 129, 448. Рис. 198; *Майорова*, 2011. С. 145, 146. Рис. 1). Единичными фрагментами представлены венчики сосудов с отогнутой наружу прямой шейкой и профилированным краем, сходные с новгородской посудой XV в. (*Смирнова*, 1956. С. 229, 234. Рис. 1, 2) (рис. 6).

Вторая половина XVII – XVIII в. В этот период формируется заполнение ямы 1 (раскоп I), являющейся углубленной частью наземной постройки, рассматриваемой в более узких хронологических рамках XVII – первой половины XVIII в., и ям 1, 2, 4 и 6 (раскоп II). В результате обработки массового материала

Рис. 6. Венчики сосудов из материковых ям раскопа I.

1–10 – яма 1; 11–19 – яма 2; 20–25 – яма под скоплением обожженной глины 2; 26 – частокольная канавка 1; 27–34 – яма 4.

раскопа I собран развал сосуда из ямы 1 (рис. 4). Горшок имеет вертикальный венчик с завернутым наружу и прижатым к шейке черновым краем, имеющим небольшую ложбинку. Форма венчика сходна с гжельской белоглиняной посудой XVI в. (Коваль, 2014. С. 541), подобная конструкция венчика характерна также для поздней кустарной красноглиняной керамики Подмосковья XVIII – начала XX в. (Панченко, 2010. С. 251). В этой же яме был найден мелкий фрагмент лезвия железного ножа.

При разборке заполнения ямы 1 (р. I) собрано 304 фрагмента глиняных сосудов. Наиболее многочисленны фрагменты от сосудов с гладкой поверхностью (151 ед., 50%), среди них преобладают фрагменты с примесью песка в тесте (107 фр., 35% от общего количества керамики пласта). 79 фрагментами

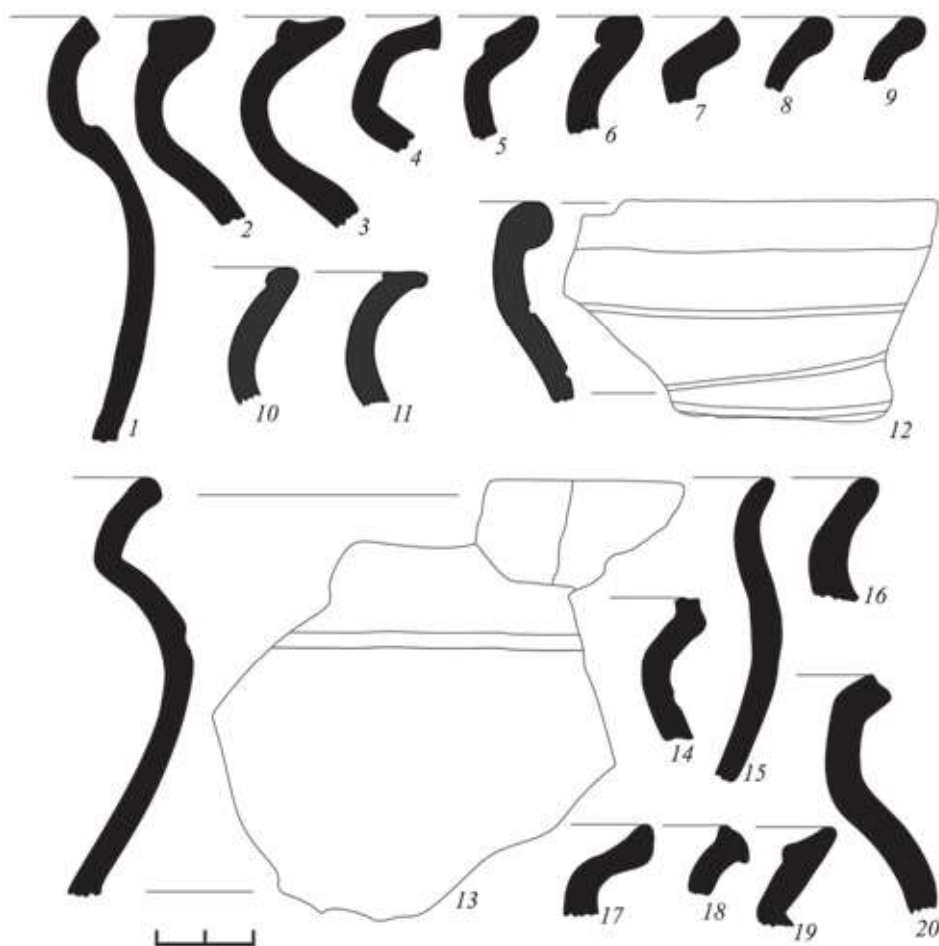

Рис. 7. Венчики сосудов из материковых ям раскопа II.
1–9 – яма 3; 10–12 – объект 1; 13–20 – яма 5.

(26%) представлена посуда с грубой поверхностью и примесью песка в тесте. Чернолощенная, серолощенная и мореная посуда представлена в данном комплексе 24 фрагментами (около 1%) (9, 11, 4 фр. соответственно). Фрагментов краснолощенной посуды встречено 11, вероятно, все они происходят от одного сосуда. Помимо описанных групп керамики среди находок представлены 18 фрагментов (6%) с примесью песка и дресвы, дресвы, дресвы и шамота в тесте.

Венчики керамических сосудов из ямы 1 (р. I) находят аналогии в посуде Владимира, Твери, датирующейся в пределах XVI–XVIII вв. (*Латшин, 2009. С. 129, 448. Рис. 198; Майорова, 2011. С. 145, 146. Рис. 1*) (рис. 6).

В упоминавшихся выше ямах № 1, 2, 4 (р. I) встречены немногочисленные фрагменты керамики, среди которых преобладают обломки с гладкой поверхностью, присутствуют лощеные и мореные фрагменты. Единичны фрагменты с грубой поверхностью и примесью дресвы.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют констатировать значительное преобладание в комплексах селища Тетеринское до первой половины XV в. включительно фрагментов посуды с грубой поверхностью и примесью дресвы либо песка и дресвы в тесте. В материалах XVI – первой половины XVII в. несколько преобладает над остальными группами в количественном отношении керамика с грубой поверхностью и примесью песка в тесте. В комплексах второй половины XVII – XVIII в. преобладает посуда с гладкой поверхностью, с примесью песка в тесте. Здесь же встречаются фрагменты мореной, черно- и серолощенной керамики.

Помимо материалов из материковых ям рассмотрим **находки из культурного слоя селища**, которые можно датировать на основании аналогий и стилистических особенностей. Материалы советского периода нами сознательно не приводятся, как и происходящие из культурного слоя вещи, не имеющие выраженного культурно-хронологического облика (кованые гвозди, скобы, оселки и т.п.).

В перемешанных отложениях XVIII–XX вв. в раскопе I найдена двусторонняя серьга из медного сплава (рис. 8). Серьга имеет фигурный щиток, присоединенный петлей к дужке из проволоки круглого сечения в виде несомкнутого кольца. Щиток украшен белой и голубой эмалью, залитой в углубления литой заготовки, которые образуют орнамент из геометрических фигур и изогнутых лепестков. В центре щитка с обеих сторон прослеживается паз, вероятно, предназначенный для крепления вставки из стекла или камня (?). Снизу к пяти петелькам привешены бусины из прозрачного зеленого стекла. Подобные серьги найдены в погребениях XVII–XVIII вв. в Смоленской и Московской областях (*Зоц, 2011. С. 408; Лихтер, Сергина, 2012. С. 278*).

В раскопе II в слое дерна и первом пласте, то есть в отложениях второй половины XVII – XX в., были найдены серебряная пуговица, фрагмент плоского поливного изразца с синей росписью по белому фону и голова глиняной фигурки (Рис. 8). Литая пуговица с ушком имеет тулово округлой формы, украшенное в нижней части орнаментом в виде окружности и двойных насечек, делящих окружность на три части, а также сочетаний точек, аналогична пуговице XVI–XVIII вв., представленной в каталоге Владимиро-Суздальского музея-

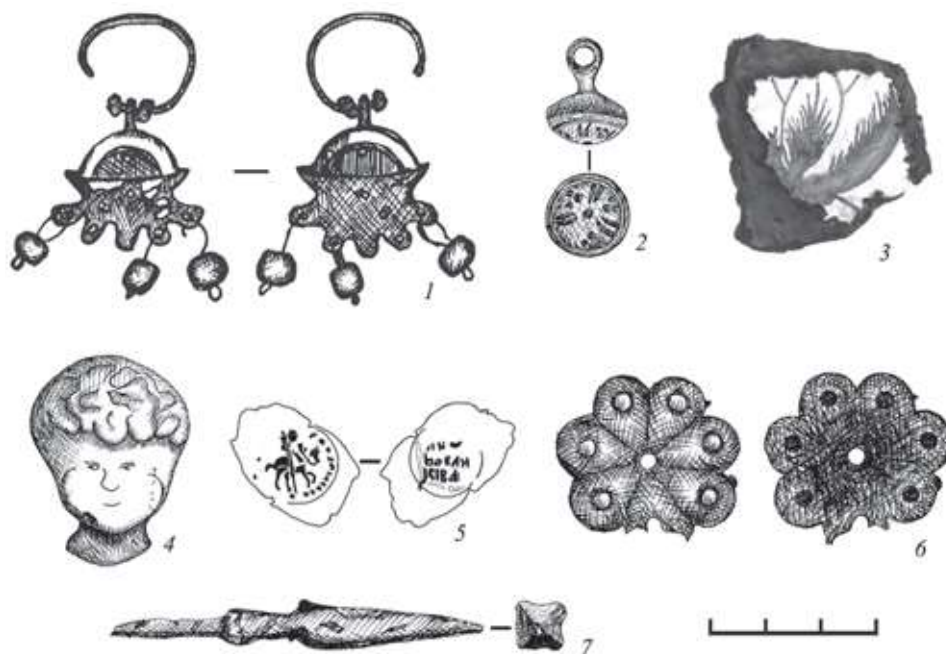

Рис. 8. Наиболее выразительные индивидуальные находки из культурного слоя раскопов I (№ 1) и II (№ 2–7). 1 – серьга; 2 – пуговица; 3 – фрагмент изразца; 4 – голова статуэтки; 5 – монета; 6 – накладка; 7 – наконечник стрелы.

заповедника (Пуговицы..., 2015. С. 33. № 33). Изразец по технике исполнения и стилистическим признакам датируется концом XVIII – началом XIX в. (Маслих, 1983. С. 23–26). Голова фигурки, изготовленная из светложгущейся глины с желтоватым оттенком, хорошо смоделирована, различимы глаза, нос, рот, щеки и кудри. На основании стилистических особенностей фигурка отнесена ко времени не ранее XVIII в. О широком распространении мелких глиняных фигурок в быту в XVIII ст. свидетельствует факт их массового производства в Москве на мануфактуре А.К. Гребенщикова (Владимирская, 1987. С. 160), не исключено также более позднее бытование подобного рода вещей.

При разборке второго пласта раскопа II были найдены железная семилепестковая накладка на конскую упряжь с лучеобразными бороздками между лепестками и умбовидными выступами на концах лепестков, аналогии которой датируются XIV – первой половиной XV в. (Блохина, 2010. С. 186. Рис. 7), либо второй половиной XIV – началом XV в. (Латшин, 2009. С. 92, 327. Рис. 77), фрагмент перстня из синего полупрозрачного стекла, датируемый XII–XIV вв., граненый черешковый наконечник стрелы XII – второй половины XV в. (тип 1в по О.В. Двуреченскому: см. Двуреченский, 2007. С. 282. Рис. 5), серебряная монета XV в.³ (рис. 8).

³ В отчете о раскопках монета ошибочно отнесена к XVI в.

Материалы, полученные в ходе работ 2012–2014 гг., позволяют предварительно определить хронологию начального этапа в жизни поселения в пределах второй половины XIII в. При раскопках 2014 г. помимо ручной переборки весь культурный слой раскопа был подвергнут просеиванию через мелкоячеистое сито (2×2 мм). Итогом такой проверки более 20 м³ грунта стала находка мелкого неинформативного осколка стеклянной бусины и осколка стеклянного перстня, основная часть которого была найдена при переборке. Отсутствие бус в материалах селища является, на наш взгляд, свидетельством необитаемости изученной площадки в домонгольское время. Вероятно, появление на данном участке поселения во второй половине XIII в. связано с отмечавшимся исследователями оттоком населения из центральных районов Северо-Восточной Руси в периферийные районы в связи с неоднократными походами монголо-татар (Кучкин, 1984. С. 122). Однако вероятность выявления участков поселения XII – первой половины XIII в. сохраняется. На это указывают данные о несохранившемся курганном могильнике XII–XIII(?) вв. вблизи села (АКР, 1999. С. 319).

Со второй половины XIII в. Тетеринское последовательно проходит в своей истории несколько этапов: поселок переселенцев, бежавших от татарских набегов второй половины XIII в., феодальная вотчина второй половины XIV – начала XV в., монастырское владение XV–XVIII вв. (до секуляризации), религиозный и административный центр небольшой округи второй половины XVIII – XIX в. Первые два этапа отражены, главным образом, в археологическом материале, последующие документированы помимо археологических находок и наблюдений письменными источниками, заслуживающими характеристики в рамках отдельного исследования.

Относительно перспектив дальнейших археологических исследований памятника отметим следующее: возможности изучения планировки средневекового поселения чрезвычайно ограничены ввиду плотной современной застройки центральной части селища, соответствующей средневековой жилой зоне. Перспективными представляются исследования хозяйственной зоны поселения, значительные по площади участки которой не заняты современной застройкой и не подвергаются существенным разрушительным антропогенным и природным воздействиям.

Литература

- Археологическая карта России. Костромская область / Сост. К.И. Комаров. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 368 с.
- Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г., 2013. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг. 319 с.
- Блохина О.А., 2010. Исследования на селище Старбеево близ города Химки // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С.180–195.
- Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика. Новые данные о хронологии / Ред.: С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М. С. 33–62.
- Владимирская Н.С., 1987. Художественная керамика XVIII века из Алевизова рва на Красной площади // ГММК МИИ. Вып. V. М. С.151–163.

- Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций ВСМЗ: Каталог/ Авт.-сост. Н.В. Нестерова. Владимир, 2002. 42 с.
- Дбуреченский О.В.*, 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII вв. // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 277–331.
- Зоц (Захарова) Е.П.*, 2011. Раскопки одиночного кургана Холмы // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 405–411.
- Инягин П.Г.*, 1996. Разведочные работы в Нерехтском районе Костромской области // АО 1995 г. М. С. 43–44.
- Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1908. 203 с.
- Коваль В.Ю.*, 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // АП. Вып. 10. М. С. 489–571.
- Колчин Б.А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской Археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–120.
- Краткий научный отчет о проведенной инвентаризации объектов археологического наследия Костромской области // Архив Департамента культуры Костромской области. Кострома. 2008. № 268 реестра.
- Кучкин В.А.*, 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 350 с.
- Лашин В.А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.
- Лихтер Ю.А., Сергина Т. В.*, 2012. Стекланные бусы из сельского некрополя XVII–XVIII веков на городище Волочѣк Вяземский // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 278–285.
- Майорова Е.В.*, 2011. Опыт статистической обработки керамики их раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // АВСЗ. Вып. 3 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 142–153.
- Маслих С.А.*, 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М. 268 с.
- Медведев А.Ф.*, 1959. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской Археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР. С. 121–191.
- Панченко К.И.*, 2010. Гончарная керамика XVIII–XIX веков с селища Багаевский карьер // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 248–257.
- Паспорт памятника археологии / Сост. Н.В. Малиновская // Архив Департамента культуры Костромской области. Кострома. 1975.
- Пуговицы XI–XVIII вв. из археологической коллекции Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост.: Н.А. Кокорина, А.Н. Денисова, Н.А. Князева. Владимир, 2015. 88 с.
- Розенфельдт Р.Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 123 с.
- Смирнова Г.П.*, 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. (МИА. Вып. 55). М.: Изд-во АН СССР. С. 228–248.
- Спирidonова Е.В.*, 2007. Керамические игрушки XIII–XVIII вв. из Ярославля // Археология: история и перспективы: Сб. ст. 3-й межрегион. конф. Ярославль: Ремдер. С. 193–203.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.*, 1899. Древности Русские. Кресты и образки. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко. Киев, 1899. 35 с.

Щербаков В.Л., 2013а. Отчет об археологическом обследовании селища Тетеринское XII–XIII, XV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2012 г. Кострома.

Щербаков В.Л., 2013б. Отчет об археологической разведке в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. Кострома.

Щербаков В.Л., 2014а. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII–XIII, XV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. Кострома.

Щербаков В.Л., 2014б. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII–XIII, XV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2014 г. Кострома.

Summary

V.L. Scherbakov

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF THE SETTLEMENT TETERINSKOYE OF THE 13–19TH CENTURIES IN NEREKHTSKY DISTRICT OF KOSTROMA REGION IN 2012–2014 (PRELIMINARY RESULTS)

The article presents the first results of the excavation works of the Kostroma state museum archaeological expedition at the medieval rural settlement Teterinskoe near the ancient city Nerekhta in 2012–2014. The article contains the information about the stratigraphy, planigraphy and chronology of this settlement and about the artifacts of XIII–XIX cc.